

Повесть В.С. Гроссмана «Народ бессмертен»: художественные идеи и их воплощение в образной ткани произведения

В основу повести В.С. Гроссмана «Народ бессмертен» легли впечатления писателя от тяжелейшего для страны первого года Великой Отечественной войны. Поначалу пережитое отразилось в публицистике. В конце лета 1942 года Гроссман написал художественное произведение — повесть, ставшую заметным явлением в истории русской военной прозы. Влияние публицистического жанра на поэтику повести несомненно. Оно проявилось и в ярко выраженном открытом авторском слове, в публицистических отступлениях, щедро использованных для обращения к читателю. Свою миссию автор видел в утверждении главной идеи времени, заявленной в названии повести. Гроссман стремился запечатлеть все основные события обрушившейся на страну трагедии.

Идейно-художественным центром повести стали главы «Город в сумерках», «Тревога», «Смерть города». В первой, выполняющей функции экспозиции повествования, Гроссман вводит характер Семена Игнатьева. Этот герой выступает как носитель центральной авторской идеи и воплощает черты народного защитника. Его портрет («...боец первой стрелковой роты, рослый, могучего телосложения парень, до войны жил в колхозе Тульской области». [1]; 193) соответствует требованию показать тип человека: это «русская душа», богатырь, балагур, весельчак, песенник, умелец. Боец «сразу стал знаменит в роте», «он был изумительным работником: всякий инструмент в его руках словно играл, веселился» ([1]; 194). У него прекрасный голос, он знает много старинных песен и не может жить «без вольного воздуха» ([1]; 194). Писатель не раз подчеркивает широту души и бескорыстие народного героя. В ответ на благодарность старухи за спасение мужа инвалида Игнатьев «махнул рукой; в этом жесте, широко, щедро, свободном, словно выразилась вся богатая и добрая натура народа» ([1]; 203).

Семен Игнатьев избирается автором в свидетели и «летописцы»

страшных событий. Гроссману в изображаемом важен библейский эсхатологический мотив, что позволяет видеть в герое хранителя памяти о народной трагедии. Игнатъев наделен поистине богатырской силой, на него возложена роль Спасителя Отечества. Он несет возмездие Злу, воплощенному в лице командира танковой колонны врага, который «сидел на танке, словно идол солдатской самоуверенности, словно бог несправедливой войны» ([1]; 232). Игнатъев же предстает как «бог справедливой войны». Автор представляет их поединок как схватку двух титанов: «Словно возродились древние времена поединков, и десятки глаз смотрели на этих двух людей, сошедшихся на искроверканной битвой земле» ([1]; 242). Победа Игнатъева дана как торжество справедливости и показана в стилистике былинной эпохи.

Соответствует эпически воссозданному духу этой битвы и публицистически открытый патетический вывод, содержащий главную мысль повести. *«Велик народ, чьи сыновья умирают свято, просто и сурово на необозримых полях сражения. /.../ Пусть не будет слова величавей и святей, чем слово «народ»!»* ([1]; 243). Благодарность автора к павшим героям и потомкам одновременно. Устанавливается единый взаимозависимый символический ряд: земля — народ — отечество. В повелительной интонации последних слов звучат мотивы торжественного гимна.

Состояние внутренней напряженности защитников города Гроссман передаст в такой пейзажной характеристике, в которой актуализирует драматизм восприятия: *«Ночь была темной, тихой, и очень тревожной. Тревога была в дрожащем свете звезд, тревога тихо шуршала под ногами часовых, тревога темными тенями стояла среди ночных неподвижных деревьев, тревога, поскрипывая сучьями, шла с разведчиками и не оставляла их, когда, пройдя мимо боевого охранения, они подходили к штабу полка. Тревога плескала и журчала в темной воде у мельничной плотины, тревога была всюду — в небе, на земле, на воде»* ([1]; 229. Курсив мой. — Л.Щ.). Шестикратная повторенная метафора призвана передать гнетущую атмосферу. Мысль автора движется центроостремительно — сверху вниз (звезды — люди); в результате возникает итоговое утверждение: тревога всюду (в круговорот вовлечены все основные стихии — небо, земля, вода).

Глава «Смерть города» начинается в духе обвинительной речи на будущем суде, куда будут призваны «старухи с ослепшими от слез глазами», «дети, чьи матери и отцы погибли в огне» и сам «пепел под сожженными городами и селами» ([1]; 199). И суд провозгласит вердикт фашистским преступникам: «Смерть им во имя святой любви к жиз-

ни!» ([1]; 199). Для определения масштаба изображаемого автор использует ораторские интонации, высокую лексику, аллегорические приемы. Гроссман моделирует ситуацию Страшного Суда, прогностически видя грядущий Нюрнбергский процесс. Неминуемый приговор фашизму автор усиливает приемом анафоры, восьмикратно повторив слово «Смерть». Уподобление фашистов зверям, сумасшедшим полностью отвечает атмосфере военной поры. Обращенность к будущему заставляет внимательнее всмотреться в настоящее.

Нападение на мирный город начинается с налета немецкой авиации. Все происходит ночью. Гроссман совмещает фактический и символический планы. Тьма соотнесена с первозданным хаосом, в который противник стремится погрузить город. Но для удачной военной наступательной операции необходимо освещение, и автор подчеркивает несовместимость естественного (небесного, высокого) и искусственного света. «Звезды стали исчезать и меркнуть, когда белые шары ракет, подвешенные к парашютам, разгораясь, повисли в воздухе», возникает «мертвый свет» ([1]; 199—200).

В динамическом образе катастрофы Гроссман детально воссоздает панораму города. Автор подробно передает процесс разрушения, боясь упустить мельчайшие штрихи. В том, чтобы запечатлеть события для будущих поколений, писатель видел и свою задачу документалиста. Город являл собой модель мира, был воплощением материальной и духовной культуры. Руины города вызывают горечь невозполнимой утраты.

Общая картина разрушения начинается с оглушительных взрывов, от которых «земля дрогнула» ([1]; 200). В изображении трагедии Гроссман использует прием аритмии, когда с перечислительной интонацией ставит в один ряд, казалось бы, несовместимое: это и «сошедшая с ума молодая женщина», которая «стояла посреди пустынной площади, освещенная пожаром, и держала на руках труп девочки»; и раненая лошадь и ее «темный, плачущий, полный муки зрачок»; и старичок-юрист со связкой книг ([1]; 203). Но все это лики одной трагедии.

С восходом солнца последствия ночного пожарища стали еще более очевидными. Утреннее солнце не воскресило погибших. Исторические пейзажные детали автор чередует с легендарными мотивами. Так, «грохот пушечной пальбы» во время артиллерийской атаки автор сравнивает с «далекими периодами доархейской эры», когда так же «гудел воздух над землей» ([1]; 248). Параллель между хаосом древности и современности подтверждает не только истинность происходящего, но и укрупняет масштаб трагедии. Интонация Гроссмана близка интонации ле-

тописей, хотя действующими лицами являются безымянные «красноармейцы, пожарники, милиционеры, рабочие и ремесленники» ([1]; 202). Писатель поэтизирует героику, поступок во имя спасения жизни. На этом фоне возникает мотив бессмертия.

Для Гроссмана важна толстовская мысль: «люди семейные, очень любящие своих детей, жен, матерей, воюют как-то особенно хорошо» ([1]; 232). Эту фразу произносит Богарев, на что ему отвечают: «А понять это можно — отечественная война!» ([1]; 232).

Так одним из первых писатель формулирует это исключительно важное понятие по отношению к войне с фашистской Германией. В повести представлено главное в борьбе во имя Отечества — единение народов для защиты общего дома. «Тут уже работали не отдельные люди: худой грузин — досылающий, плечистый, низкорослый татарин — подносчик, еврей — правильный, черноглазый украинец — заряжающий, прославленный мастер-наводчик Морозов, — здесь работал один человек /.../ сторукий, быстрый, неудержимый, смывший благородным трудовым потом все следы боязни со своего лица...» ([1]; 239). Писатель не может обойтись без прямых оценок: «Он не останавливался, не ложился, не бежал к блиндажу, когда выли бомбы, он не переставал трудиться под чугунными ударами разрывов...» ([1]; 239).

В повести актуализировалось субъективное авторское начало, выраженное в показе событий. Эта черта отличала литературу военных лет, когда литераторы тяготели к внешнему изображению явлений и действий героев. Повесть Гроссмана с высоты лет воспринимается как текст-высказывание. Автору необходимо было создать собирательный образ защитника страны. Изображение индивидуальных действий отступает на второй план, приоритет сохраняется за воссозданием общего дела и общих чувств.

В заключение автор берет на себя роль трибуна и обращается к потомкам, восклицая в назидательном тоне. «Пусть /.../ вспомнят, когда придет день победы и мира, об истребителях танков, о людях в зеленых гимнастерках с хрупкими бутылками горючей жидкости, с брезентовыми сумочками для гранат на боку... Пусть уступят им место на лавке в зеленом вагоне, пусть поделятся с ними кипятком в дороге» ([1]; 235). Последние слова в контексте конца XX — начала XXI века обретают особо горький смысл. В целом, повесть, рожденная начальным этапом войны, нацелена на прямое обращение к читателю, открытый диалог с ним. Стремление донести до сознания общества главные события войны и их осознание современниками обусловило и художественно-публицистические средства их воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здесь и далее произведение В.С. Гроссмана цит. по изд.: Гроссман В.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1998.

V. Grossman's Short Novel 'The People are Immortal': Poetic Ideas and their Embodiment in the Image Matter of the Work

The author of this article analyses images and ideas of a short novel 'Narod bessmertenn' ('The People are Immortal', 1942) by V. Grossman. It consists of three chapters which form a 'microtrilogy' about the first year of the Great Patriotic War. The publicistic basis developed in the short novel realizes in the open author's word. The image of the people's hero (Semen Ignatiev), biblical motifs, symbolic scenery help to express Grossman's main idea: eternal immortality of the people even in times of the Catastrophe.